

Северус не смог сдержаться. Он издал громкий смешок; ничего более забавного он не слышал в своей жизни. У него была причина, помимо того, что он считал мальчика избалованным, называть его испорченным отродьем. Он не знал, забавляться ему или шокироваться тем, что мальчик не знал о его хранилищах. Гоблины должны были сообщить ему о его хранилищах, когда он впервые вошел в их банк в возрасте одиннадцати лет. Он не стал больше смеяться, заметив взгляд мальчика: тот выглядел совершенно ошеломленным.

"Что случилось, когда ты впервые вошёл в Гринготтс, Поттер?" - сухо спросил Северус. сухо спросил Северус.

Гарри тупо моргнул от неожиданного вопроса. "Хагрид провел меня внутрь, у него был мой ключ, мы спустились в хранилище. Я достал монеты, которые мне нужны были для школьных вещей, потом он пошел в другое хранилище и достал философский камень, сказав, что это совершенно секретно для Дамблдора. Мы вернулись наверх, и я забрал свои вещи", - ответил Гарри, совершенно обескураженный.

"Вы действительно не знаете?" спросил Северус, теперь уже ошеломленный.

Гарри просто уставился на своего учителя, как будто тот был чем-то странным, с чем он раньше не сталкивался.

Северус в раздражении откинул назад свои длинные черные волосы. То, что Гарри Поттер живет с ним, было совсем не просто. Он не ожидал, что это окажется настолько... пугающим или, по меньшей мере, чертовски шокирующим. Он снова сел на кровать и посмотрел на Гарри своими онисовыми глазами. Он словно пытался понять, что это за Гарри Поттер, как будто не видел его раньше. На самом деле это было не так, он видел то, что хотел видеть, то, что Гарри Поттер хотел, чтобы видели все.

"Поттер, - вздохнул Северус, - ты последний наследник очень длинного рода волшебников, даже если твоя мать была магглорождённой. Вы все равно имеете право на огромную сумму денег, на наследство, если хотите, от своей семьи". Они были очень похожи на Малфоев; деньги, которыми вы располагаете, весьма обширны".

"Должно быть, всё пропало... Я видел своё хранилище четыре года назад... и я знаю, что оно почти всё пропало - так и должно быть", - возразил Гарри.

"Это, Поттер, были деньги, которые твои родители положили в это хранилище, чтобы ты мог тратить их в течение семи лет обучения в Хогвартсе, покупать всё, что захочешь, в течение каждого учебного года, от книг до сладостей. Несомненно, если бы они были живы, они бы купили для тебя школьные вещи", - нехотя сказал Северус. Он ненавидел говорить о Джеймсе Поттере; ему даже было трудно говорить о них как о родителях, зная, что у него никогда не было Лили для себя. Если бы он не стал Пожирателем смерти, то, возможно, попросил бы её выйти за него замуж; он не понимал, что принятие этого проклятого Знака означает конец его жизни, в сущности. Жажда мести лишила его надежды на лучшее будущее. Всё, что он мог сделать, - это убедиться, что у Слизеринцев кто-то есть, что Гарри удалось победить

Волдеморта, и он будет счастлив. Он только надеялся, что этого будет достаточно, чтобы заслужить прощение Лили, даже если бы не он первым рассказал Волдеморту содержание пророчества. Подумав об этом, он вспомнил формулировку клятвы; уже тогда Дамблдор знал, что Гарри придётся снова победить Волдеморта. Это означало, что он должен был знать, что Волдеморту не умер. Впрочем, об этом знал и сам Снейп: метка не исчезла полностью.

"О, - только и смог сказать ошеломлённый подросток, совино моргая на своего учителя, словно подозревая, что это шутка. Если это правда, то все его денежные заботы были напрасны: ему не придется пытаться найти работу летом. Он мог бы подождать до окончания Хогвартса и решить, чем ему заняться... если, конечно, ему удастся пережить постоянные нападки Волдеморта. У него ещё не было ни одного нормального года в Хогвартсе, и сейчас, когда он вернулся к нормальной жизни, Гарри очень сомневался, что что-то изменится.

"Спи, Поттер, завтра мы пойдём в Гринготтс и всё уладим", - сказал Северус. Он понял, как сильно, должно быть, беспокоило подростка то, что он с ним спорил. Впрочем, по сравнению с Тёмным Лордом, сейчас это было не так уж и важно. Если он не будет следить за собой, то погибнет от рук Тёмного Лорда - мысль не самая приятная, но, тем не менее, правдивая.

"Да, сэр", - машинально сказал Гарри.

Северус поднялся с кровати и направился в свою комнату, в голове у него проносилось всё, что он узнал. Если Дамблдор уже знает, то нет смысла обращаться к нему за помощью. Придётся самому разбираться с Дурслями, чтобы они больше не трогали мальчика. Дамблдору пришлось бы искать для Поттера другое место, или же он просто вернул бы мальчика сюда. Эта мысль ему не очень нравилась - снова возвращать его в родной дом, но он не хотел оставаться в стороне и позволять, чтобы с подростком, который должен был спасти мир, обращались жестоко. Он не был хорош для мертвых; он не хотел допустить, чтобы мальчик, которого он спасал, погиб от рук магглов, с которыми он жил. Люди удивлялись, почему ведьмы и волшебники присоединяются к Тёмному Лорду, когда вокруг такие магглы, как он, издеваются над волшебниками. Если бы слизеринцы узнали об этом, они бы закрепили свою ненависть ко всему маггловскому. Как и он, они считали Гарри испорченным; опять же, если не было надежды на Поттера, то на кого же тогда надеяться? Вот какой вопрос задали бы ему Слизеринцы.

В его голове уже формировалась идея, как поступить с Дурслями, и вскоре он начал писать им послание. Наложив на него заклинания, он сложил его и вызвал своего ястреба. Как только ястреб оказался на месте, он наложил заклятие и на эту птицу, зная, что она хорошо известна в кругу Пожирателей смерти. Если они всё ещё следят за домом, то всё будет напрасно; он сомневался, что Дурсли возьмут его, если всё равно увидят ястреба.

"Номер четыре, Прайвет-драйв, Арес, как можно быстрее", - приказал Северус, проводя длинными пальцами по крыльям, прежде чем открыть окно. Прошло совсем немного времени, прежде чем ястреб полностью исчез из дома. Аресу потребовалось примерно сорок пять минут, чтобы добраться до Прайвет-драйв. Ястреб получил соответствующее имя: Арес, бог войны. Конечно, он получил эту хищную птицу много лет назад, во время первой войны.

"Разве ты не рад, что в этом году Поттер не приехал?" спросил Вернон, откинувшись на спинку дивана и выглядя чрезвычайно расслабленным и счастливым. Он только что поужинал; Дадли, как обычно, сидел и смотрел телевизор, не обращая внимания на окружающий мир.

"Да", - согласилась Петуния, не имея в виду, что сегодня ей пришлось самой заниматься садоводством, хотя она знала, что Поттер мог бы об этом позаботиться. Много лет ей не приходилось ничего делать для дома и сада, за исключением тех случаев, когда мальчик был в школе, а теперь и летом. Она стала ленивой, даже не осознавая этого; она ненавидела делать что-то, когда этим мог заниматься её бесполезный племянник. Она знала, что рано или поздно Вернон будет скучать по мальчику, особенно когда все будет идти не так, как он хочет. Она молча гадала, будет ли он обижаться на неё или на их сына; она надеялась, что нет. Это было первое лето без Гарри, и в конце концов гнев Вернона возьмёт верх над ним.

В этот момент в окно заглянула сова; нахмурившись, Петуния понадеялась, что Поттер уже вернулся. Она открыла письмо и прочла послание; Вернон и Дадли по какой-то странной причине обратили на него внимание. Только когда все трое оказались вместе и прикоснулись к записке, они вдруг почувствовали, что их дернули за пупок и перенесли в другое место.

Гарри лежал на кровати, одетый лишь в нижнее белье своего мастера зелий. Он до сих пор не мог понять, почему он рассказывает всё это Снейпу; всю свою жизнь он прожил без доверенного лица. Почему Снейп должен был быть прав? Почему он вдруг стал рассказывать ему все? Нет ничего хуже, чем Снейп, который все время был прав.

Хуже всего было то, что ему стало легче от того, что он доверился кому-то, и не только из-за жестокого обращения, но и потому, что чувство тяжести с плеч, когда он понял (или ему сказали), что у него достаточно денег, чтобы проучиться в Хогвартсе, было освобождающим. Ему захотелось станцевать джигу по комнате, настолько он был взволнован.

Всё, что произошло, вертелось у него в голове; жизнь была... интересной, если не сказать больше. Он также не понимал, почему Снейп перестал выполнять работу по дому. Он знал, что Снейп начал их выполнять, потому что считал Гарри избалованным; он сам ему об этом говорил. Работа выматывала его, но он привык к этому; это помогало ему быть занятым и делать что-то. Может быть, Снейп даст ему работу, если он попросит; он надеялся, что сможет ухаживать за садом. Ему нравилось работать в саду, особенно вокруг нового пруда, который он создал, и, конечно, семян, которые он посадил. Он хотел наблюдать за их ростом, кормить их, поливать их и знать, что он помог природе идти своим чередом. Знать, что он не просто забирает жизнь - здесь он подумал о Квиррелле, Локхарте, Седрике, своих родителях... и о том, что из-за того, что он не убил Петтигрю, его крёстный был вынужден скрываться.

Гарри прислушался к настенным часам, которые не издавали никаких звуков, кроме тихого, непрерывного тиканья, и медленно, но верно начал задремывать. Он не замечал ни того, что происходит вокруг, ни того, что три человека, которых он ненавидел больше всех на свете, находятся в одном с ним поместье.

<http://tl.rulate.ru/book/100317/3426441>